

Сергей Бортников

ТРИ СМЕРТИ ИВАНА ГРОМАКА

КОЛЛЕКЦИЯ
Военных
Приключений

Военные приключения (Вече)

Сергей Бортников

Три смерти Ивана Громака

«ВЕЧЕ»

2019

Бортников С. И.

Три смерти Ивана Громака / С. И. Бортников — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-7961-8

Многим из нас знакомы строки стихотворения Александра Трифоновича Твардовского, посвящённые бойцу легендарной Первой штурмовой комсомольской инженерно-сапёрной бригады Резерва Верховного главкомандования Ивану Громаку: «Москвы не видел, но ему Москва салютовала». После того боя под Смоленском матери Ивана пришла первая похоронка. Вторую она получила уже в начале 1945-го... Но наперекор всему герой выжил в горниле той страшной войны, однако годы спустя она всё же его настигла... О необыкновенном ратном и жизненном пути Ивана Громака рассказывает новая книга лауреата литературной премии «Во славу Отечества».

ISBN 978-5-4484-7961-8

© Бортников С. И., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1. Довоенное	8
1	8
2	11
3	14
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Иванович Бортников

Три смерти Ивана Громака

© Бортников С.И., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Моим братьям – украинцам, наследникам боевой славы Громаков, Насоновых, Браилко, Панченко, Рупчевых, Гавриленко, Коваленко и многих, многих других посвящается

Вместо предисловия

Иван Громак
Не всяк боец, что брал Орёл,
Иль Харьков, иль Полтаву,
В тот самый город и вошёл
Через его заставу...

Вот так, верней, почти что так,
В рядах бригады энской
Сражался мой Иван Громак,
Боец, герой Смоленска...

Лежит пехота. Немец бьёт.
Крест-накрест пишут пули.
Нельзя назад, нельзя вперёд.
Что ж, гибнуть? Чёрта в стуле!

И словно силится прочесть
В письме слепую строчку,
Глядит Громак и молвит: «Есть!
Заметил вражью точку».

Берёт тот кустик на прицел,
Припав к ружью, наводчик.
И дело сделано: отпел
Немецкий пулемётчик.

Один отпел, второй поёт,
С кустов ссекая ветки.
Громак прицелился – и тот
Подшиблен пулей меткой.

Команда слышится: «Вперёд!
Вперёд скорее, братцы!..»
Но тут немецкий миномёт
Давай со зла плеваться.

Иван Громак смекает: врётся,
Со страху ты сердитый.
Разрыв! Кусков не соберёшь —
Ружье бойца разбито.

Громак в пыли, Громак в дыму,
Налёт жесток и долог.
Громак не чуял, как ему
Прожёг плечо осколок...

Вот – на бросок гранаты враг,
Громак его гранатой,
Вот рядом двое. Что ж Громак?
Громак – давай лопатой...

Схватил он немца, затая
И боль свою, и муки:
«Что? Думал – раненый? А я
Ещё имею руки!»

Сдавил его одной рукой,
У немца прыть увяла.
А тут ещё – один, другой
На помощь. Куча мала.

Лежачий раненый Громак
Под ними землю пашет.
Конец, Громак? И было б так,
Да подоспели наши...

Враг отступил в огне, в дыму
Пожаров деревенских...
Но не пришлось самому
Ивану быть в Смоленске.

И как гласит о том молва,
Он не в большой обиде.
Смоленск – Смоленском. А Москва?
Он и Москвы не видел.

Не приходилось, – потому...
Опять же горя мало:
Москвы не видел, но ему
Москва салютовала!

Александр Твардовский, 1943 год

Часть 1. Довоенное

1

И где только на необъятных просторах нашей великой Родины не оставил свой след отнюдь не самый многочисленный, но чрезвычайно мудрый и очень боевитый тюркский народец?

Постоянно принуждаемые властью империи к оседлому образу жизни кочевники-ногайцы (они же ногайские или, как ещё говорят, крымские степные татары) с давних пор предпочитали селиться по соседству с русскими племенами и даже охотно пополняли ряды априори полностью православных казачьих формирований, дав миру такие славные фамилии, как Черкесов, Турков, Юсупов, Сафаров...

Активно обосновывались они и в Приазовье.

Но в середине девятнадцатого века вдруг массово стали срываться с обжитых мест и возвращаться на прародину – Турцию.

А опустевшие территории доставались представителям казачьего рода. Тем, кто ещё не делил себя на русских и украинцев.

Правда, в некоторые аулы (Тулге, Караруге, Тазу, Аккермене, Улькон-Сасиктогуне, Сарларе, Алшин-Бадае, Калыгары, Шеклы-2 и Кичкине-Бескеклы) тогдашняя имперская верхушка надумала переселить братушек-болгар из недавно влившейся в состав российской империи Бессарабии.

Но на дружбу народов, мир, согласие в их непростых взаимоотношениях сие обстоятельство никакого значения, честно говоря, не возымело...

В год отмены крепостного права (1861-й – кто не помнит) на месте ногайского поселения Улькон-Бескеклы возникло село Новоалексеевка, в котором и родился наш главный герой – Иван Громак.

В начале 30-х годов XX века он – нескладный, худой и длинный, словно шпала, мальчишка девяти лет. Ещё даже не подросток.

Отец Ивана был шибко набожным человеком, практически не расстававшимся с толстенной древней книгой – Библией, унаследованной ещё от деда-прадеда. Он категорически отказался вступать в колхоз... За что и поплатился: был сослан вместе с братьями на стройку века – Беломорско-Балтийский канал имени Сталина.

Его братья – Никифор (причём по местной традиции с ударением на последнем слоге!) и Киндрат вернулись в родную деревню, а сам Гриша сгинул не за понюх табака, которого он, кстати, никогда не пробовал...

* * *

– Ванька! – вытирая об подол натруженные руки, ещё несколько секунд тому назад месившие тесто из нежданно свалившегося богатства – муки, небольшое количество которой выдали на дорогу братьям пропавшего мужа, гукнула¹ сына Елена Ивановна – высокая, худощавая казачка лет тридцати пяти из рода Круглик.

Её предки слыли зажиточными людьми, держали в селе конюшни, склады, фермы, но – любовь зла! – втрескалась Елена по уши в соседского голодранца и вот – на тебе – кара божья.

¹ Гукаты (ударение на втором слоге) – звать (*укр.*); следовательно, гукнула – позвала. – *Здесь и далее примечания автора.*

В тридцать лет осталась вдовой...

Шумная орава ребятишек в очередной раз пролетела мимо дома Громаков, обдав степной пылью деда Павла – отца Григория, Киндрата и Никифора, – грустившего на собственноручно срубленной деревянной скамейке. Именно он вместе с мукой доставил невестке лихую весть.

Заодно хотел повидаться с любимым внуком, а тот гоняет, словно чумной, вокруг да около и не соизволит даже поздоровкаться со своим знаменитым пращуром!

– Иван! – не выдержал Казак (так называли старика односельчане), грудью преграждая путь юному разбойнику, в очередной раз пролетающему с друзьями по дороге, вытоптанной копытами некогда богатого колхозного стада (от которого давно ничего не осталось), и пролежавшей сразу за вереницей небольших крестьянских домиков из глины и соломы, фактически – мазанок, сооружаемых при помощи всей громады.

– А... Дид Павло! – притормаживая, как-то уж больно равнодушно обронил мальчуган, но уже спустя мгновение осознал свою ошибку и бросился в объятия своего старого, как он не раз говаривал, друга, слывшего в округе одним из лучших рассказчиков.

Особенно удавались ветерану были-небыли из далёкой молодости, которая пришлась на Русско-японскую войну 1904–1905 годов, – в ней он потерял одну ногу и теперь передвигал деревянную культю лишь при помощи палки, выструганной собственными руками, как уже упомянутая скамья, столы, табуретки и прочие необходимые в каждом доме вещи.

Обычно Ванюшка слушал эти байки с широко разинутым ртом. Может, именно тогда и зародилась в его душе непреодолимая тяга к воинской службе, причём – желательно – на флоте?!

– Пошли, внучек, до дому – мамка вже борщу насыпала, – приобнимая родную кровинку, сообщил долгожданную весть дед.

– А, может, я ещё один кружок дам? – неожиданно заупрямился тот. – Друзья всё-таки ждут!

– Успеешь... Никуда они не денутся. А деду мало уже осталось. Уважь старика – не так часто мы с тобой видимся в последнее время.

– Хорошо... Пошли...

* * *

Борщ был совсем без мяса.

Честно говоря, другим его никто уже и не помнил. Второй год в Приазовье – голод, как по всей Советской Украине. Как в Среднем Поволжье, на Урале и Северном Кавказе. Как в Казакской автономии РСФСР (статус союзной эта республика получит лишь после принятия новой советской Конституции, которую в народе сразу же нарекут Сталинской – 5 декабря 1936 года. Тогда же произойдёт и замена буквы «к» на «х» в середине слова).

В тарелке с похлёбкой помимо немногочисленной зелени, среди которой преобладала вездесущая лобода², плавали какие-то белые комочки. Иван раскусил один из них, затем второй, третий... Ничего – есть можно!

Однако понравившееся лакомство быстро закончилось.

– Мам, а мам... А нельзя ли ещё... – он даже забыл, как это называется.

– Чего? Галушек? – улыбнулась Елена Ивановна.

– Их... Наверное, – пожал плечами наш юный герой.

– Почему же нет, родной? Можно. Конечно, можно!

² Лобода (укр.) – лебеда.

– Мне тоже. Две штучки, пожалуйста, – тихо прокряхтел скромняга Павел Иванович и, смущаясь, отпустил хозяйке лёгкий комплимент по поводу её кулинарных способностей: – Невероятно вкусная штука!

– Из вашей муки, отец. Спасибо.

– Не меня благодарить надобно, дочка, а Никифора с Киндратом.

– Они уже дома?! – восторженно воскликнул мальчишка, поблёскивая хитрыми глазёнками.

Ваня всегда знал: отца забрали вместе с братьями и резонно предположил, что тот тоже вернулся.

Но дед в одно мгновение обрушил его радужные мечты:

– Гриша остался на севере. Пока!..

* * *

Хлеб в доме закончился быстро.

И, как всегда, несвоевременно, ибо Украину накрыла очередная волна страшного голода. Может быть, даже более лютая, чем все предыдущие и потенциально более свирепая, чем прошлогодняя, которая, кстати, унесла жизни сразу двух маленьких Громаков – двойняшек Саши и Тани, родных брата и сестры нашего главного героя.

А ведь в семье имеются и другие дети!

Как избавить, уберечь их от печальной участи?

Отдать в детский дом, недавно открывшийся в соседнем селе?

Кого? Всех или, может, только одного-двух?

Коленька – совсем маленький, без родителей долго не протянет...

Серёга почти взрослый, ему скоро четырнадцать, может обеспечить себя сам...

Марии – двенадцать. Она – главная помощница матери, порядок держит в доме...

Остаётся... Ваня!

Но как оторвать от себя родную кровинку, как?

2

В силу различных обстоятельств, складывающихся в основном из-за постоянных реформ, резво осуществляемых молодой советской властью, деревня Новоспасовка то пребывала в одном административно-территориальном образовании с вотчиной Громаков, то вдруг оказывалась совсем в ином.

Первый раз Ногайский район был реформирован в декабре 1925 года. При этом одна часть населённых пунктов отошла к Коларовскому, а другая – к Бердянскому району Мариупольского округа Донецкой губернии.

А 15 сентября 1930 года его и вовсе ликвидировали.

Однако на судьбы наших персонажей это пока никак не повлияло...

В тот горячий июньский денёк девятилетний Ваня, только в прошлом году научившийся плавать, с раннего утра не вылезал из Лозоватки – речки-невелички, впадающей в Азовское море. Нет, он не просто развлекался – ловил по норам раков.

Какая ни какая, а еда, пища!

Так вот...

Выбравшись на берег в очередной раз, чтобы избавиться от добычи, временно замотанной под резинку семейных трусов, мальчишка заметил на горизонте долговязую фигуру тётки Фёклы (по-местному – Феньки) – младшей сестры матери, и, бросив членистоногих в плетёную кошёлку, дно которой было заранее устлано сочной и свежей крапивой, поспешил ей навстречу.

– Ванечка, родной... – не имевшая своих детей Фёкла Ивановна нежно прижала к себе голое и мокрое детское тельце и... разрыдалась.

– У нас что-то случилось? Опять кто-то умер? – подозрительно покосился на тётку малец.

– Нет, родненький... Пока – нет.

– Так чего же вы плачете? – удивился Ваня.

– Тебя жалею!

– Меня? Посмотрите, какой я сильный, какой ловкий – вон сколько «клешняков» наловил: на всех хватит! – похвалился мальчуган.

– Вот и хорошо, родненький. Возьмёшь их с собой – в детдом, там есть столовая; отличные, опытные повара... Они раков сварят и раздадут детишкам!

– Какой детдом, тётя Фёкла? У меня семья! Мать-отец, всё как положено, – удивился Иван.

– Сгинул Гриша на чужой земле, так что папки у тебя нет больше нет – забудь! А Лена... Она сама попросила меня об одолжении. В доме не осталось ничего съестного, а там, хоть худо-бедно, но завтрак, обед, ужин... Режим! Поправишь здоровье – и вернёшься. Ненадолго это...

– Правда?

– Правда, сынок... В Новоспасовке, кстати, тоже есть река – Берда. Там всякой живности не меньше, чем в Лозоватке. Будет где заниматься тебе любимым делом.

– Что ж, если так нужно... – В глазах подозрительно зашипало, но мальчуган крепился: немаленький уже, чай.

– Я тебя оставлю возле входа, а сама уйду, – продолжала тётка. – А ты скажешь, что остался один... Мол, все давно умерли от голода – спасите-помогите... Пройдёт совсем немного времени, и мы тебя заберём.

– Обещаете? – мальчуган пристально посмотрел на Фёклу Ивановну.

– Обещаю!

Иван отдал тётке кошёлку и следом за ней невесело поплёлся в Новоспасовку...

Через несколько лет, когда начнёт устанавливаться свои знаменитые рекорды прославленная советская лётчица Полина Осипенко, (в девичестве – Дудник) об этой приазовской деревне

узнает вся огромная страна. Да что там страна – целый белый свет! Ведь именно здесь ей суждено было родиться. В далёком уже 1907 году...

Но это случится потом. Пока же Новоспасовка была обычной, ничем не примечательной деревушкой...

* * *

Жизнь в детдоме как-то сразу не заладилась.

Вольнолюбивой натуре Ивана Громака претило всё: ранний подъём, обед по расписанию, отбой, надоедающие постоянными нравоучениями воспитатели, высокомерные девчонки, но более всего почему-то – экскурсии, совместные походы и прочие организованные мероприятия. На побережье Азовского моря, на Корсак-могилу³ и даже в Махноград, как местные жители в разговорах между собой в шутку называли столицу анархистов Гуляй-поле, куда воспитанники добирались на новеньком автобусе, пожалованном именно для таких целей сочувствовавшим сиротам руководством недавно созданного районного автопредприятия.

Нет, интересно, конечно, всё это посмотреть, кто же спорит? Но только не тогда, когда идёшь строем, да ещё всё время слышишь от воспитателей: «Туда не ходи, сюда нельзя!»

Тьфу на вас, малохолдные!!!

Единственными, кто хоть как-то согревал, радовал иногда его израненную детскую душу, оставались немногочисленные друзья-приятели. Такие же, как он сам, хулиганы-сорвиголовы.

Главными среди них были Васька Иванов и Охрим Терещенко. Первый – на год старше, второй – на год младше Громака, но это не помешало им всем вместе пойти 1 сентября в первый класс.

Правда, уже на следующий день неугомонная троица сбежала из, как они говорили, «дурдома», но на первой же железнодорожной станции мальчишек поймали и отправили обратно. Беспризорников в стране ещё и без них хватало.

Так будет продолжаться несколько лет подряд.

Побег – поимка; поимка – снова побег!

А вот в родительском доме Иван появится нескоро.

Спустя чуть ли не десяток лет.

Такова судьба, которую, как известно, не обманешь!

Однако...

Не будем торопиться.

Расскажем обо всём по порядку...

* * *

В отличие от своих новоявленных приятелей учился Громак хорошо. И, как это ни удивительно, – с явным удовольствием.

Первый класс окончил на одни «пятёрки».

Но на принятое решение зажить самостоятельной жизнью – без воспитателей и наставников – это никак не повлияло...

Очередную попытку «свалить на волю» друзья предприняли на летних каникулах – сразу после посещения уже упомянутой Корсак-могилы.

³ Корсак-могила – шесть каменных выходов Приазовского кристаллического массива возрастом 1700–1800 миллионов лет. «Корсак» в переводе с татарского значит «лисица», но, скорее всего, правильнее всё же называть эту географическую памятку «Курсак-могила», то есть «Живот-гора». На равнине она действительно напоминает огромный человеческий живот.

Казалось, уж этот-то побег непременно увенчается успехом, – готовились к нему долго и тщательно.

Ан нет...

На сей раз бдительные обходчики заметили их во время посадки в один из грузовых вагонов полупустого состава, следовавшего на погрузку в Донбасс. И немедленно просигнализировали куда следует, сообщив о нештатной ситуации сотрудникам железнодорожной милиции, несшим службу прямо на станции.

Подростков сняли с поезда и после короткого допроса передали в руки участкового, а тот уже с ветерком (на мотоцикле с коляской!) доставил неразлучную тройцу в ненавистную Новоспасовку...

* * *

На следующее лето и в детдоме с харчами стало совсем плохо...

Поэтому хулиганов, разлагающе влияющих на всех остальных воспитанников заведения, решили временно спровадить подальше с глаз.

К местному попу – так сказать, на перевоспитание.

Ребята помогали священнику по дому и хозяйству, как могли: убирали во дворе и следили за роскошным садом, не забывая при первом удобном случае набить истосковавшиеся по «витаминам» желудки абрикосами, грушами, сливами и прочей созревшей плодовой мякотью, а также таскали за попадьёй огромные сумки – на рынок и обратно.

Чем она там приторговывает – никто не знал.

И задавать лишние вопросы – не пытался!

«Живёшь – живи и другим не мешай!» – такой нехитрый принцип царил в их среде, как, впрочем, и во многих других коллективах на просторах родимой неньки-Украины (впрочем, так повелось издавна. «Моя хата с краю – ничего не знаю». Удобно и без последствий)...

Однако «лафа» быстро закончилась.

Однажды Ванька на свою беду увидел у батюшки старинный золотой крест, едва помещавшийся на нехилой ладони божьего слуги, и загорелся желанием утащить церковную реликвию – мол, тогда на несколько лет безбедной жизни хватит всем троим!

Но при осуществлении злого замысла был он пойман за руку бдительным семейством священнослужителей и, как следствие, отправлен назад в детдом.

Вместе с остальными «подельниками».

Хорошо ещё, что так всё завершилось...

3

Нескоро, но всё же план побега увенчался успехом – произошло это аж в 1936 году. И тоже летом. Отважиться покинуть зимой хорошо отапливаемые помещения могли только абсолютно безмозглые личности, а назвать таковыми наших героев – язык не повернётся.

«Путешествовать» беглецам пришлось в вагоне, чуть ли не до краёв забитом какой-то необработанной рудой.

Куда несётся состав, мальчишки, естественно, не знали. И выяснили это лишь тогда, когда прибыли на конечную станцию.

Ташкент!

То ли в Узбекистане милиция откровенно бездействовала, то ли местный люд глядел сквозь пальцы на шалости всё новых и новых голодных орд, прибывающих на юг в поисках пропитания, но никто наших беглецов, как ни странно, задерживать не стал. Более того, сердобольные местные жители пристроили пацанов в каком-то заброшенном здании и даже подсобили с пропитанием...

Восточное гостеприимство никто не отменял!

Но долго задерживаться в этом хлебном, по утверждению писателя Неверова⁴, городе, друзья всё равно не стали и с наступлением осени собрались в очередные «мандры»⁵. По маршруту «куда вывезет поезд».

К счастью, шёл он в Севастополь.

Город, о котором мечтает каждый настоящий моряк.

Ну или...

Хотя бы желающий стать им!

* * *

Обосновались беспризорники неподалёку от центрального или, как говорили коренные жители Севастополя, главного вокзала.

В разрушенной землетрясением десятилетней давности лачуге без света и отопления.

Но...

Зато во всех её помещениях сохранился грубый и поэтому исключительно тёплый деревянный пол.

А в одной из комнатушек даже уцелел кусочек крыши. В ней, по всей видимости, раньше уже кто-то жил (точнее – существовал): там лежали два свёрнутых в рулоны матраса – все в дырах и каких-то нездоровых вонючих подтёках – и повсюду валялись горы грязного тряпья.

Зима близится... Холодно?

Так это ничего.

Нас ведь трое – надышим!

* * *

На пропитание друзья зарабатывали в основном попрошайничеством, но ближе к зиме всё чаще стали промышлять откровенным воровством.

⁴ Повесть «Ташкент – город хлебный» о бежавших от голода мальчишках Александр Сергеевич Неверов написал накануне своей смерти – в 1923 году; в 1926 она вошла в полное собрание его сочинений и стала, как сейчас бы сказали, бестселлером, выдержав до 1930 года пять изданий.

⁵ Мандры – путешествие (укр.).

Риск? Да, конечно... Но и доход несоизмеримо больше! До поры, до времени, конечно... Пока не повяжут «мусора».

Обязанности распределили согласно индивидуальным наклонностям и «творческому» потенциалу.

Мелкий и чрезвычайно шустрый Охрим обычно орудовал в тёмное время суток («сова» он и в Севастополе сова!): незаметно подкатывал к какой-нибудь хорошо одетой тётке и резал лезвием её сумку; нескладный, угловатый, но физически сильный Василий специализировался на чистке карманов перебравших с алкоголем мужиков, ну а застенчивый и совсем неопытный в новом для него амплуа Иван либо тырил то, что плохо лежит, у зазевавшихся торговков, либо просто стоял «на атаке».

Однако в новогоднюю ночь и ему захотелось отличиться – удивить приятелей необузданной прытью да лихой казацкой удачью.

Дабы продемонстрировать «высший пилотаж», объектом ограбления Громак избрал не какого-нибудь бездомного замухрышку, а настоящего флотского командира – статного красавца в реглане знаменитой московской швейной фабрики имени Клары Цеткин и чёрной шапке с кожаным верхом. Командир этот отнюдь не чеканной, а расхлябанной, неуверенной походкой ковылял в полупустой зал ожидания – напрямик из вокзального буфета, где он употребил энное количество казённой водки под разнообразную закуску, один вид которой вызвал у беспризорного мальчишки приступ обильного слюновыделения.

Примостившись на краю лавочки в первом ряду, военный снял своё роскошное пальто и положил его рядом – по левую руку, после чего окинул мутным взором почти безлюдное помещение и, уткнув подбородок в грудь, моментально засопел.

Кто же знал, что он нисколько не пьяный, а лишь сильно уставший?

Иван расположился сзади и, когда убедился, что мужик уснул, немедля полез в карман кожаного реглана.

В тот же миг крепкая рука легла на его запястье.

Громак попытался вырваться. Да где там?!

– Что, попался? – совершенно безобидным тоном тихо, но твёрдо произнёс незнакомец. – Думал, что дядька набрался вдрызг и поэтому легко позволит себя ограбить? Нет, братец, я как стекло, просто не спал две ночи подряд. А сто грамм для моряка – тьфу, пыль, понял?

– Отпустите меня, дяденька, будь ласочка...⁶ Я больше не буду, – притворно захныкал неудачливый воришка.

– Отставить сопли! – насупился незнакомец. – Ты мужик али нет?

– Мужик, – надулся, несколько опешив, Иван и спросил, сердито глядя на флотского: – Разве не видно?

– Значит, должен отвечать за свои поступки. Ну чего молчишь, как будто воды в рот набрал?

– Виноват! Исправлюсь... – буркнул Громак.

– Где это ты нахватался таких старорежимных оборотов? В Красной армии и на флоте следует отвечать: «Есть, товарищ капитан второго ранга!». Повтори.

– Есть!

– Да, кстати, а есть ты будешь? – неожиданно поинтересовался незнакомец. – В смысле – кушать?

– Не откажусь, – опешил Громак. – Только нас трое...

– Что ж, давай, зови их сюда!

– Василь, Охрим! – на весь вокзал заорал Иван.

⁶ Будь ласочка – производное от «будь ласка» – пожалуйста (укр.).

Далеко сзади, из-за угла зала ожидания одновременно выглянули две хитрые физиономии. Одна над другой: первая – чуть ниже, другая – выше.

– За мной – марш! – решительно распорядился военный и, перекинув через руку пальто, едва не ставшее объектом чужого посягательства, направился в противоположный конец помещения – туда, где из-за стойки выглядывал белоснежный головной убор, с виду напоминающий то ли поварский, то ли шутовской колпак.

Как оказалось, он прикрывал круглую, словно очерченную циркулем, головушку немолодой и чрезмерно пышной дамы – вокзальной буфетчицы тётки Тони, старавшейся не упускать ни одного свободного мгновения для того, чтобы немного, как она сама выражалась, покомарить.

Некоторые служащие, часто околачивающиеся в станционной курилке, у которой любил попрошайничать Иван, шёпотом поговаривали о тюремном прошлом тётки Тони, мол, у нашей буфетчицы не одна ходка за плечами, но это так – слухи, серьёзными государственными документами никто из них, естественно, не располагал.

– Так... Три ватрушки... – начал моряк.

– И три чая! – напускну пробасил Василий и так выглядевший значительно старше своих лет.

– Мне ещё, если, конечно, можно... Грамм двести любых конфет, – зарделся румянцем Охрим Терещенко, давно мечтавший набить брюхо загадочными кондитерскими изделиями.

(До этого момента в его недолгой жизни были отмечены лишь единичные случаи угощения сладостями из рук залётных богатеев, почему-то не очень часто попадавших на жизненном пути наших героев.)

Но новый знакомый, кажется, собрался переплюнуть их всех.

– Нет проблем, товарищ юнга, – он похлопал Охрима по плечу и повернул лицо к буфетчице: – Ну-ка, мадам, взвесьте полкило самых лучших, самых дорогих – шоколадных – для моих лучших друзей!

– Слушаюсь, товарищ капитан! – ухмыльнулась тётка Тоня.

– Да побыстрее...

– А волшебное слово? – пробормотала буфетчица, растягивая в улыбке и без того непомерно широкий рот, обрамлённый сочными мясистыми губами.

– Пожалуйста! – безхитростно и добродушно прищурился щедрый клиент.

* * *

– А вы, дяденька, и вправду капитан? – уметая за обе щеки вкуснейшую и свежайшую булочку с творожной начинкой, с плохо скрываемым восторгом в писклявом, ломающемся голосе поинтересовался Громак.

– Так точно. Капитан второго ранга Гуцин. Алексей Матвеевич. Прошу любить и жаловать!

– Ух ты, – в унисон восторженно протянули пацаны.

– Направлен в Севастополь для дальнейшего прохождения службы после окончания Высшего военно-морского училища имени Михаила Васильевича Фрунзе! – лихо продолжил офицер и вдруг неожиданно спросил: – А вы, занимающиеся малопочтенными делами товарищи, не желаете ли послужить нашей Советской Родине?

Друзья озадаченно переглянулись. Но прямой вопрос требовал прямого же ответа.

– Желаем. Как пить дать, – за всех подписался старший из беспризорников – Василий.

Кавторанг ещё раз оглядел их с необидной усмешкой и подвёл итог разговору:

– Тогда милости прошу на наш корабль. «Красный Кавказ». Так он называется.

– Ур-ра!!! – неожиданно даже для самого себя выдал Громак.

4

История корабля, на котором предстояло жить и служить нашим героям, началась ещё до Первой мировой войны – это произошло 18 октября 1913 года.

Именно тогда в Николаеве состоялась закладка двух лёгких крейсеров. Одному из них, ставшему впоследствии «Красным Кавказом», изначально было присвоено наименование «Адмирал Лазарев». Сам корпус судна спустили на воду 8 июня 1916 года, однако полностью достроили его только спустя пятнадцать лет.

Ещё через год корабль прошёл наконец приёмную комиссию, а через два – отправился в свой первый зарубежный поход, нанеся дружеские визиты в порты Турции, Италии и Греции.

Теперь это была огромная машина водоизмещением свыше 9000 тонн при длине в 170 и ширине почти 16 метров; хорошо вооружённая, мощная – с четырьмя массивными орудийными установками весом в 120 тонн каждая, зенитками Лендера⁷, пулемётами крупного калибра, 533-миллиметровыми (по другим данным 450-мм) торпедными аппаратами и даже с запускаемыми при помощи пневматической катапульты двумя гидропланами-разведчиками «КР-1» знаменитого немецкого концерна «Хенкель» на борту, прозванными на флоте «летающими лодками» (при необходимости они могли выполнять также функции пикирующих бомбардировщиков).

В экипаже корабля в то время было свыше 600 человек⁸. Как оказалось – хорошо обученных, дисциплинированных, отважных: командир «Красного Кавказа» Фёдор Иванович Кравченко, к которому Гущина прислали старшим помощником (как сейчас сказали бы – заместителем), прекрасно знал своё дело!

Впрочем, иных – бестолковых, неграмотных, беспринципных на руководящие посты тогда просто не назначали.

Хотя нет, бывали и исключения. Но они, как известно, имеются у каждого из правил...

В скором будущем Кравченко ожидало повышение, и кандидатура Алексея Матвеевича виделась командованием флота самой достойной из всех на освобождающуюся должность.

Вот Гущин и принялся, не теряя времени, изучать все нюансы предстоящей деятельности в новой для себя ипостаси: ознакомился с личным составом, отрабатывал до автоматизма действия экипажа по команде: «Корабль к бою и походу приготовить», планировал и проводил стрельбы; короче, делал всё, что было предписано Уставом корабельной службы.

Времени для общения со свежеиспечёнными юнгами у него не оставалось совсем. Но подростки это понимали и не очень обижались на своего командира.

Тем более что они давно были расписаны по боевым постам и с утра до ночи занимались чрезвычайно важными и совсем недетскими делами: драили отсеки и палубу, помогали на камбузе, наводили марафет на орудия и приводили в порядок спасательные средства.

Нельзя сказать, что служба на корабле пришлась по душе всем троицам.

Василий и Охрим, совершенно не помнящие своих родителей и с детства пристрастившиеся к «вольнице», без удовольствия переносили «тяжести воинской службы» и практически с первых дней стали помышлять о том, чтобы удрать «на гражданку»; а вот Ивану на корабле нравилось исключительно всё, но особенно... питание!

А что?

Завтрак-обед-ужин. Калорийно, сытно и строго по расписанию.

⁷ 77-миллиметровая зенитная пушка образца 1914–1915 гг. – первое в России специальное орудие для подавления нападения с воздуха, способное также вести эффективный огонь по наземным и надводным целям.

⁸ К 1944 году численность членов экипажа крейсера возрастёт до 878 офицеров и матросов.

Чего ещё хотеть-то?

К тому же кок⁹ – холостой сорокалетний сверхсрочник под два метра ростом, с широкой волосатой грудью, в жизни оказался очень мягким, светлым, чистым, душевным человеком, испытывавшим острую потребность постоянно о ком-нибудь заботиться, за кем-то ухаживать, кому-то помогать.

Короче, он стал для Громака вторым отцом.

Точнее – третьим.

Вторым всё же по праву оставался Алексей Матвеевич Гушин.

* * *

13 мая Ванька праздновал очередной день рождения. Ему исполнялось целых четырнадцать лет.

(Может, именно с того дня эти два следующих друг за дружкой числа – 13 и 14 – стали для Громака самими любимыми?)

Дядя Коля (так звали кока) изощрылся, как только мог.

Приготовил на первое любимый Иваном краснофлотский борщ, называемый на его родной Полтавщине просто буряковым¹⁰. На второе и вовсе – подал макароны по-флотски. А компота так вообще целую бадью сварганил! Из лучших сухофруктов: груш, яблок, слив.

Вдобавок испёк несколько противней пирогов. С творогом, горохом, картошкой, капустой и конечно же повидлом... Для юнг с позволения командира накрыли отдельный стол. И впервые не стали ограничивать для них время приёма пищи.

Кушайте, будущие красные моряки, на здоровье, сколько угодно!

День рождения не каждый день случается.

* * *

Похлёбывая ещё тёплый ароматный узвар¹¹, виновник торжества лениво покосился на запястье своего старшего товарища и вдруг обнаружил на нём умопомрачительный морской якорь, после чего сразу же воспылал страстным желанием и себе набить такую же наколку.

– А ну, Васёк, признавайся, кто тебе такую красу на гранке¹² навёл? – спросил он.

– Есть у нас в команде один ценный специалист... – соорудил на лице таинственную мину Василь.

– Как звать его, скажешь?

– Скажу, – кивнул головой приятель. – Виктор Андреевич.

– А, дядя Витя...

– Кому дядя, а кому – старшина Сорокин.

– Никогда бы не подумал, что у такого заныканного чмыря может обнаружиться хоть какой-то талант, – не стал скрывать своего удивления Громак.

– Будь повежливее и потише, это мой лучший кореш!

– Знатный мастер, спору нет, – не стал спорить Иван. Да ещё и добавил: – Проще сказать – золотые руки!

– Согласен, – удовлетворённо покивал Василий.

⁹ Корабельный повар.

¹⁰ Буряк – свекла (*укр.*), то есть, если кто не знает, речь идёт об обычном свекольнике.

¹¹ Компот (*укр.*).

¹² Гранка – рука (*жаргон.*).

– Скажите, братцы, а меня он может осчастливить каким-нибудь похожим шедевром? – тут же поинтересовался Громак. – Например, нанести на запястье компас, штурвал или в худшем случае корабельный флаг на грот-мачте...¹³

– Нет. Только якорь. Ничего другого Сорокин не рисует.

– Небось попросту не умеет? – опрометчиво заявил Иван, и тут же услышал в ответ строгое:

– Но-но!..

– Хорошо, – заторопился Громак. – Согласен. Якорь – это тоже здорово. За молвишь за меня слово?

– Лады... Только что мне за это будет? – многозначительно протянул Иванов, напуская важности на своё поправившееся в последнее время лицо с розовыми, как у поросёнка, щёчками.

– Пончик! – улыбнулся Громак.

– Слышь, друже... – неожиданно зло ощерился Василий. – Не держи меня за лоха, за базарную дешёвку!

Иван даже растерялся. Он посмотрел на упорно молчавшего Охрима и осторожно предположил:

– Тогда определись сам и скажи, что ты хочешь больше всего.

– Дай подумать... Немного... Ты ведь с коком дядей Колей корифанишься?¹⁴

– Ну да, – не стал отрицать очевидного Громак.

– Значит, соберёшь нам с Охримом жирный тормозок, когда придёт время.

– Вы так и не отказались от своих планов? – удивился Иван.

Василь отрицательно мотнул головой:

– Нет. – И спросил: – Пойдёшь с нами?

Громак недовольно посмотрел на приятеля и ответил сразу же:

– У каждого своя дорога, сколько можно повторять? Мне на корабле всё нравится...

Порядок, форма...

– ...Но особенно камбуз, то бишь кухня! – продолжил за него несложный логический ряд Охрим Терещенко, как всегда с неприкрытой издёвкой в не по-детски хриплом голосе.

– И что?... Люблю я после работы пожрать – что в этом плохого? – возмущённо спросил в ответ Громак.

– Волю на хавчик променял... – грустно вздохнул, подводя итог совсем недетской дискуссии Василий.

Он, прищурившись, посмотрел на Ивана и пригрозил:

– Смотри, хоть слово кому-то пикнешь, пожалеешь...

Громак ответил тихо, но весомо:

– Не пугай меня, Вася! Я давно пуганный. И за «базар» отвечать приучен...

– Знаю, – пошёл на попятную Иванов.

– При этом корешей не сдаю – ни за деньги, ни за прочие мирские блага. Так что спите спокойно, друзья-товарищи.

– Верю... – кивнул Охрим и тут же поправился: – Верим. – Помолчал немного и шепнул: – Мы поставим тебя в известность за сутки до того, как сделаем ноги. Управисься?

– Ещё бы. Но сначала – наколка.

– Хорошо, – пожал плечами Василий. – Пошли к Сорокину...

Вот так на тыльной стороне левой ладони нашего главного героя и появился якорь.

Ни дать ни взять настоящий морской волк!

¹³ Грот-мачта – обычно вторая мачта, если считать от носа судна.

¹⁴ Дружишь (жаргон.).

Хоть и воевать на море ему пришлось недолго.
Однако мы опять опередили время...

* * *

«Час икс» пробил спустя несколько дней...

Накануне вечером Иван сташил-таки для друзей с камбуза массу провианта – им до краёв забили новейшей кожей портфель, похищенный сорванцами в каюте командира корабля.

И всё! «Гуд бай, плавучая тюрьма», – как образно выразился в общем-то весьма ограниченный и довольно косноязычный Охрим.

Став на утреннюю вахту, Николай Фомич пропажу харчей, естественно, сразу заметил, но своему юному помощнику не то, что не сказал и слова – даже не посмотрел на него с подозрением.

(Суровая мужская дружба, как известно, не терпит голословных обвинений.)

И только после того, как Фёдор Иванович хватился недешёвого, в общем-то, и нужного атрибута, добродушный кок с явной укоризной в обычно ласковом взгляде посмотрел на Громака.

«Твоих рук дело?!» – повис в воздухе немой вопрос.

Тот всё понял и не отвёл глаз.

Мол, я – не я, и работа не моя!

Чья? Стало ясно уже через час, когда младшие командиры хватились своих юнг.

Но те, понятное дело, были уже далече!

* * *

Вскоре после разговора с коком Ваньку вызвал к себе Гушин. В новеньком, ладно пригнанном морском кителе с четырьмя средними золотистыми полосками на рукаве, он сидел за столом, на котором была разложена какая-то потёртая карта, но как только дверь в каюту скрипнула, приоткрываясь, поднялся во весь свой немалый рост и пошёл навстречу Громаку – как к равному среди равных не только по росту (у Ивана к тому времени тоже уже было почти метр и восемьдесят сантиметров), но и по положению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.